С.И. Цеменкова

ПЕРВЫЕ КАРТОГРАФЫ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА МИХАИЛ СИЛЫЧ КУТУЗОВ*

Статья посвящена реконструкции отдельных эпизодов жизни и деятельности известного уральского картографа «эпохи де Геннина и Татищева» Михаила Силыча Кутузова (1704–1741). Исследование следов его документального наследия, включающего в себя визуальные (карты, чертежи, планы), текстовые источники (отчеты-доношения), а также сведения, извлеченные из делопроизводственной документации, позволяют проследить судьбу не просто героя второго плана, служителя фронтира, но и вполне типичного представителя служилого дворянства, сформировавшего свои карьерные установки в эпоху Петра I.

***Ключевые слова**: история картографии, история горнозаводской промышленности Урала, история российского дворянства, Михаил Силыч Кутузов*

Герой статьи – яркий представитель той части дворянства, чье мировоззрение и система ценностей сформировались под влиянием идей Петра I: Михаил Силыч Кутузов был активным, сознательным, быстро схватывающим новые знания человеком поколения сильной руки и решительного действия.

Интерес к фигуре М.С. Кутузова возник не случайно. Работая над базой данных «Картографические документы Уральской горной администрации первой половины XVIII в.» я не раз с удовольствием изучала его чертежи, планы и карты. Затем, шаг за шагом, следуя документам Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) и Государственного архива Свердловской области (далее – ГАСО), удалось воссоздать события его жизни практически по месяцам. Документы эти можно разбить на две категории: организационно-распорядительного плана (делопроизводственные, канцелярские) содержащие как наказы, инструкции, так и описание результатов его деятельности; и документы, составленные лично Кутузовым (в основном, отчеты). И так, постепенно, сквозь текст официальных документов, стал проступать, прорисоваться жизненный и карьерный путь Михаила Силыча, некоторые черты его характера, деяния и устремления.

В формате историко-биографического исследования, т.е. персональной истории, или новой биографической истории[1] попробуем проследить ключевые события жизни и деятельности Михаила Кутузова, выпускника Морской академии, получившего образование, необходимое для морского офицера, а на практике ставшего горным специали-

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

[1] См. подробнее: Репина 2010.

стом, грамотным руководителем и одним из самых известных создателей картографической документации уральской горной администрации.

«В чину учимых». Морская академия. Санкт-Петербург. 1720–1724

Психология служилого сословия была фундаментом самосознания дворянина XVIII в. Формировалась эта психология посредством и ряда государственных мероприятий, и личной деятельности Петра, и активного просвещения молодого дворянства. Новые учебные заведения, которые учреждались при жизни государя, были призваны дать стране образованных управленцев, профессиональных военных, инженеров, геодезистов – всех тех специалистов, в которых так нуждалась держава.

Одним из таких учебных заведений «нового типа» стала Морская академия, учрежденная 1 октября 1715 года в Санкт-Петербурге. В Академию старались набирать преимущественно дворян, имеющих некоторое состояние[2]. Программа обучения в Морской академии, по задумке Петра, была максимально приближена к идеям прагматизма, ценностям и качеству европейского образования, приобщала молодых людей к истокам отечественной и мировой культуры. Первоначально комплектование академии шло довольно быстро, «без особых принуждений» со стороны царя, и «во всем пространстве Российского государства не было ни одной знатной фамилии, которая бы не представляла в Морской академии сына или ближайшего родственника»[3]. Как оказался в числе гардемаринов Михайло Силин сын Кутузов – добровольно или по принуждению – мы не знаем. Известно лишь, что в академию он был определен в 1718 г., в 1724 г. ему было 20 лет, а отец его – капитан Сила Иванович Кутузов проживал в Белозерском уезде в собственном имении, которое досталось ему после смерти первой жены – матери Михаила[4].

Несмотря на элитный характер учебного заведения, жилось гардемаринам сложно. Академии выделили дом бывшего единомышленника Петра I А.В. Кикина. Здание находилось в непосредственной близости от Адмиралтейства, на месте будущего Зимнего дворца, но было небольшим и мест для проживания не хватало. Ученики жили, в основном, на квартирах мелких чиновников, матросов и мастеровых[5]. Михаил Кутузов в 1724 г. показал, что «квартиру имеет у соляных амбаров во второй Преведенской слободе у писаря Никифора Мартынова», а один из его товарищей – Петр Зеленой, жил в той же слободе «у десятника Родиона Коновалова»[6]. По замечанию Веселаго, особенно тяжелыми для Академии были три последних года жизни Петра. Ученики бедствовали: были плохо одеты, жалованье им выдавалось с недоимками, да и то не деньгами, а товарами. «Школьники» выживали, как могли: кто-то убе-

[2] Цит. по: Веселаго 1875: 600.
[3] Зуев 2005: 12.
[4] РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д. 696. Л.378.
[5] Веселаго 1875: 608.
[6] РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д. 696. Л.385-386.

гал, а кто-то и подворовывал, кто-то ходил по миру[7]. Эту картину дополняют факты из биографии самого Михаила, который осенью 1724 г. попался на мелком воровстве: «при раздаче товара» взял тайно «конец китайки»[8] и спрятал под полу[9]. Денег на пропитание не хватало.

Залогом будущей успешной деятельности Кутузова в качестве талантливого картографа послужила особая программа обучения, которая помимо общеобразовательных предметов, иностранных языков, основ военного и морского дела, включала в себя точные и прикладные науки. Особо важными в его образовательном опыте стали практическая астрономия, сферическая тригонометрия, или «сферика», общая и математическая география, основы картосоставления. Англичане Генри Фарварсон и Стефан Гвин обучали морскому делу, картографии и навигации. Ученики приобретали навыки обращения с геодезическими и астрономическими инструментами (буссолями, астролябиями, квадрантами и пр.)[10]. Как свидетельствуют документы, Михаил успешно освоил все эти науки и значился в числе самых успевающих учеников[11]. И, конечно же, Морская академия не могла не повлиять на становление его как личности, мыслящей категориями и ценностями новой, петровской эпохи, впитавшей идеалы европейского Просвещения.

В 1724 г. Михаил оказался в числе лучших двадцати учеников, отобранных лично В.Н. Татищевым для обучения горным наукам в Швеции. Но события развернулись иначе: через Берг-коллегию в академию обратился В.И. Геннин, с просьбой прислать толковых «школьников» к строительству горных заводов на Урале. Рекомендовано было обратить внимание только на шляхтичей, а в Швецию «к подлым наукам» отправить простолюдин. Так решился последующий жизненный путь Михаила Кутузова и некоторых его товарищей. В декабре 1724 г. Берг-коллегия отвела им четыре месяца на дорогу «по зимнему пути», снабдила строгими инструкциями и не без заминки выдала денег на проезд[12].

Картограф. Сибирский обер-бергамт. Екатеринбург. 1725–1730 гг.

Наибольшую ценность картографического фонда ГАСО представляют чертежи, планы и карты (ландкарты), созданные в первой половине XVIII в. Это было время активного промышленного освоения Урала и новых территорий, время, когда картографическую документацию создавали, в основном, не столько профессиональные геодезисты (их было слишком мало), а люди, подобные М.С. Кутузову – «петровские универсалы». Кроме того, в этот период картографический документ выступал в качестве особого управленческого и даже идеологического

[7] Веселаго 1875: 606
[8] Китайка – первоначально шелковая, а затем и хлопчатобумажная ткань.
[9] РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д.1010. Л.382.
[10] Гольденберг, Постников 1990: 21-22.
[11] РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д.1010. Л.385 об.
[12] Там же. Л. 393, 405 об.

инструмента – поскольку изображал, устанавливал и закреплял не только территорию империи, но и демонстрировал ее протяженность, красоту и величие. И еще один значимый момент: карты этого периода – продукт достаточно индивидуальный, что позволяет исследователю понять геодезические навыки составителя, оценить уровень его артистизма и особое видение репрезентации пространства. В это время на Урале твердою рукою государства и В.И. Геннина активно строилась казенная горная промышленность. К середине 1720-х гг. в ее хозяйстве значились Екатеринбургский, Алапаевский, Каменский, Лялинский, Уктусский, Пермские – Пыскорский и Ягошихинский, Полевской и Синячихинский заводы. Обширный металлургический комплекс остро нуждался в толковых администраторах и специалистах разного профиля, в том числе и в области создания картографической и инженерной документации.

Начало горнозаводской графике было положено в Екатеринбурге, как горнозаводском центре Урала и Сибири. Здесь находились самый большой и передовой в техническом отношении завод, горная школа, технические кадры. Именно в Екатеринбург в апреле 1725 г. прибыли выпускники Морской академии, в т.ч. и Михаил Кутузов. Изначально определенный к Екатеринбургской плавильне[13], он пробыл там недолго. Уже в сентябре 1725 г. ему назначили новое место службы: быть учителем в школе, преподавать арифметику, геометрию и науку составления чертежей, «понеже свыше ево, Кутузова, в науках… при Екатеринбурхе не имеется, и между присланными от Академии учениками он, Кутузов, искуснее»[14]. К новой обязанности Михаил Силыч относился с полной ответственностью: в архивных документах сохранилась его аккуратная подпись «учитель Михайло Кутузов», а также ряд отчетов, описывающих уровень знаний учеников[15]. В ноябре 1725 г. на Урал из поездки в Москву вернулся Геннин. Он, наверняка, лично побеседовал с каждым из выпускников академии и оценил способности Михаила. Вчерашний «школьник» прекрасно рисовал, знал «живописную геодезию», владел точными науками, отличался способностями к обучению и был хорошим исполнителем. И довелось Михаилу Силычу за свою не слишком долгую жизнь «сочинить» планов, чертежей и ландкарт немалое число (а по охвату территорий – от Вятки до Иркутска, р. Лены и Байкала). Должность учителя пришлось оставить – на время, но не навсегда.

В это славное и трудное время – время «сотворения мира»[16], мира уральского, горнозаводского, промышленного – складывалось особое сообщество горных людей – «бергманов». Это были руководители, чьи имена навсегда вошли в историю Урала, иностранные специалисты-мастера, молодые шихтмейстеры и недавно прибывшие «школьники».

[13] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 55. Л. 330 об.
[14] Сафронова 2000: 49-50.
[15] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.55. Л. 1081.
[16] Корепанов 2006: 111.

Почти все они, включая В.И. Геннина, практически навсегда были вырваны из прежней жизни, но многие из них верили в свое предназначение в деле строительства новой державы. Именно тогда, в июле 1726 г., генерал поручил Михаилу Силычу проведение первых картографических работ. Сам Кутузов пишет об этом так: «…послан я был на заводы Каменской, Алапаевской и Синячихинской для положения на карту оных и рудников со облежащими речками и другими знатными местам»[17]. Не успел он оформить полевые материалы в окончательные карты и планы, как 16 августа Геннин повелел ему ехать с той же целью на Лялинские, Пыскорские и Егошихинские казенные заводы. Кутузов с успехом справился и с этой задачей и «объявил» ее результаты 27 января 1927 г. лично Геннину. Часть осени, и начало зимы было посвящено обработке полевых материалов. Результаты съемок на местности нужно было превратить в понятный и узнаваемый визуальный образ – план или ландкарту: обозначить рельефы, русла рек, населённые пункты, промышленные объекты; «подштриховать» и раскрасить графику.

Кто выбрал стезю служение державе, тот вынужден был учиться всю жизнь. В марте 1727 г. Михаил Кутузов и его товарищ по Академии Василий Горчаков уехали на Пыскорские заводы, на Григорову гору обучаться маркшейдерскому делу[18] у Вильгельма Штифта[19] – овладение подземной геодезией, заключающей в себе правила съемки подземных горных выработок, было делом чрезвычайной важности. Как констатировала Берг-коллегия в одном из указов 1726 г., она «в маркшейдерской науке из руских учеников…поныне еще ни одного человека не видит». Именно на Урале велась их подготовка, первых на всю Россию, и неудивительно, что Кутузов оказался в их числе[20]. Кроме того, с 1720-х гг. было определено магистральное направление в деле подготовки горнозаводских офицерских кадров: «…вновь в чины производить прежде таких, которые в металлургии, в горных и в заводских произведениях искусны будут» [21]. Было вполне ясно, что все, кто не думал избегать трудностей, а решил посвятить жизнь Уралу, были одержимы стремлением к учебе и совершенству. В течение года Горчаков и Кутузов изучали новую для них науку и оказались «весьма способны»: «могут править маркшейдерское дело при горных делах так, как надлежит маркшейдерам» – было написано в аттестатах, данных им от Вильгельма Штифта[22].

Кутузов быстро зарекомендовал себя как специалист. Уже вскоре Геннин дал ему такую характеристику: «Кутузова надлежит произво-

[17] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.117. Л.2
[18] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.152. Л. 318.
[19] Вильгельм Штифт приехал с Олонца вместе с В. И. Генниным в 1722 г. и дал обязательство обучать русских маркшейдерским и плавильным наукам.
[20] Сафронова 2000: 50.
[21] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1068. Л.224 об.
[22] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.280. Л.34.

дить по степени в чины так, как и протчих шихтмейстеров при горных делах, а паче маркшейдерских дел, понеже оного Кутузова наука ко оным маркшейдерским делам прилична»[23]. Еще один пакет картографических документов был подготовлен Кутузовым в 1729 г., когда Геннин, получив особый указ Сената, распорядился о составлении «обстоятельных» планов Екатеринбургского и других новых заводов, а также чертежей рудников и месторождений. Качество карт было высоким, художественное исполнение – красочным и изящным. Часть этих карт украшала «каморы» Сибирского обер-бергамта на протяжении многих лет[24].

К концу 1720-х гг. Михаил Кутузов, объездил все казенные уральские заводы и для каждого из их составил запрошенные Берг-коллегией и Геннинym комплекты рисунков, карт и планов[25]. Он «сочинял» сложные и обширные по территориальному обхвату ландкарты, он грамотно составлял тот вид графической документации, который сегодня называют «горно-графической»: планы и разрезы рудников, месторождений, схемы расположения промышленных объектов и пр. К 1729 г. он был уже в должности берг-гешворена: усердная служба давала результаты.

Михаил Силыч стал автором первых планов Екатеринбурга (1726, 1729). Особый интерес представляет его «Рис Екатеринбургских медных и железных фабрик»[26] 1729 г., выполненный в аксонометрической проекции – уникальный в своем роде чертеж фабрик-цехов Екатеринбурга. По сути дела, такой прием передачи изображения промышленных объектов мы видим позднее в иллюстрациях «Описания Уральских и Сибирских заводов» В.И. Геннина. Исследователи до сих пор спорят, был ли Михаил Силыч среди авторов иллюстраций протографа рукописи[27].

Маркшейдер. Сибирь. Илимский уезд. 1730–1735 гг.

В 1730 г. жизнь Кутузова круто изменилась. Летом Геннину явился крестьянин баронов Строгановых Федор Семенников и заявил, что обнаружил в Илимском уезде в горах свинцовые руды, которые «по пробам явились свинцом богатые, також в некоторых есть по малой части и серебра»[28]. В России в допетровскую эпоху серебра добывали очень мало. Петр I предпринял меры для привлечения серебра в казну, его добывали на Нерчинских месторождениях, но чеканка серебряной монеты, и при жизни Петра, и в 1730-е гг. велась из привозного сырья. Алтайское

[23] Сафронова 2000: 50-51.
[24] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.450. Т.1. Л.11 об. Некоторые из этих карт до сих пор приводятся в различных научных изданиях в качестве примера классической горной графики. См., напр.: Рябов 2016: 26.
[25] ГАСО. Ф.24. Оп.1 Д.121. Л.101.
[26] Рис – рисунок вообще, например, каких-либо строений, в отличие, например, от грундериса – рисунка земной поверхности.
[27] См. подробнее: Каменский 1957: 7-8; Корепанов 2004: 287; Карелин 2008: 159-163; Антропов 2013: 88, Алексеев 2017: 193 и др.
[28] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Л.490. Л.446.

серебро потребностей государства не покрывало, и вдруг появилась надежда организовать добычу драгоценного металла в Восточной Сибири.

Геннин обратился в Берг-коллегию, и в ноябре того же года приняли совместное решение: отправить в разведочную экспедицию берг-гешворена М. Кутузова с командой искусных штейгеров и плавильщиков. Маршрут предстоял не ближний: Тобольск – Тара – Томск – Енисейск – Илимск. А далее, «по сказке» рудоискателя, от Илимска «в сторону на Орленскую слободу» еще 280 верст. Итого – 3825 верст.

В непростое путешествие с берг-гешвореном были отправлены иностранец плавильный мастер Ост-Ворман, бергаур М. Мельников, три горных ученика и копиист Н. Мещеряков. За три месяца добрались до места, в апреле начали бурить первые штольни, построили печи для пробных плавок, наняли два десятка дополнительных работников. Летом объехали все показанные места, где «по сказкам» должна была быть свинцовая и серебряная руда. Работали и зимой в тяжелых условиях, преодолевая огромные расстояния для покупки пороха в Иркутске (который был крайне плох и дорог), уклада, иных припасов и материалов[29].

Уже в конце 1732 г. стало ясно – экспедиция похожа на авантюру. Кутузов сообщил в Екатеринбург, что в показанных местах «руда пресеклась и впредь надежды не уповает». В ответ получил указание: «…в тамошних и по близости в других местах серебряных и протчих всяких руд по горному обыкновению приискивать со всяким прилежанием». Еще год изнурительной работы не принес положительного результата, хотя команда Кутузова провела разведку немалых по охвату территорий, в основном, вдоль берегов Лены. Михаил Силыч представлял подробнейшие отчеты, подготовил ценный комплект чертежей рудников и ландкарт территорий[30]. «Три года во многих местах… радетельно работали», – сообщал он в одном из рапортов, – «как старые прииски, на которых работа производится, так и вновь отысканные серебряные руды весьма плохи и редки и все верховые и надежды к пользе и интереса от оных быть не уповаемо». Присланные в Екатеринбург образцы прошли пробы, в результате – «меди и свинцу хотя и содержат, токмо, малое число». В августе 1733 г. такой же вывод сделал мастер серебряного дела Козьма Шапошников, едущий из Нерчинска с комиссаром Т. Бурцовым на Ангару строить заводы. Он по сплаву получил лишь чугун и констатировал: «серебра и свинца ничего не явилось и, по мнению моему, в показанном месте руды не годны»[31].

---

[29] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.424. Л.719 – 719 об.

[30] Одна из них – «Ландкарта плоская Илимского уезда Орленской слободы при реке Лене имеющимся серебряным и свинцовым и медным рудника, також при том с описанием деревень, речек, гор и лесов», значится в описях Сибирского обер-бергамта за 1734 г., но в современных фондах ГАСО ее нет.

[31] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.425. Л.1054-1055.

Жилось тяжело. В мае 1734 г. Кутузов сообщал, что деньги закончились, он и все его служители и работники «претерпевают великую нужду и пришли во всеконечную скудость», а хлеб, обувь, платье и купить не на что, да и негде. От безысходности, в мае 1734 г. составив «воровски» подорожную с поддельной подписью Кутузова. сбежал «неведомо куды» копиист Никита Мещеряков[32]. Наконец, в январе 1734 г. в Обер-бергамте приняли решение: М. Кутузову велеть «то горное дело за пресечением руд работаю оставить» и возвращаться в Екатеринбург. Но указ на каком-то отрезке пути затерялся. В итоге, до сентября 1735 г. Кутузов продолжал писать отчеты, а с Урала еще пять раз посылали ему предписание сворачивать экспедицию. Только к маю 1735 г., через Иркутск, наконец-то вернулись в Екатеринбург.

Управитель. Полевской завод. «Башкирская шатость». 1735–1737 гг.

Вскоре последовало новое задание уже от нового горного начальника В.Н. Татищева – сочинять и исправлять карты и планы для внесения в «Гисторическую книгу» чертежам Уральского региона[33]. В конце 1735 г. Михаил Силыч Кутузов был назначен управителем Полевского завода. Серьезных задач было много, и одной из них была задача обороны – началась «башкирская шатость»[34]. Башкирское восстание 1735–1740 гг. стало одним из крупнейших в череде башкирских волнений XVIII столетия. Мятеж затронул и районы уральских заводов, где русские деревни, приписанные к заводам, подверглись нападениям[35]. Непосредственным же поводом для выступлений башкир стала деятельность Оренбургской экспедиции, о которой речь пойдет ниже.

Между тем у Кутузова складывались непростые отношения с горными служителями. Еще в 1728 г. вместе с Петром Зеленым он был обвинен в избиении поляка Гогольского, повара соликамского бургомистра, а на Лялинских заводах выстрелил из фузеи дробью в Инглина («как лицо, так и голову изранил»), хорошего мастера-плавильщика, но известного выпивоху и дебошира[36]. В 1736 г. на Полевском заводе произошел конфликт с другим иностранцем – штейгером Симоном Качкой. Штейгер обвинил заводского управителя в сожительстве с женой одного из ссыльных[37]. Неясно, так ли было дело, или Кутузова оклеветал человек, ранее уже замеченный в конфликтах с сослуживцами. С простым людом Кутузов ладил лучше: просил у горной администрации денег на шубы присланным рекрутам, хлопотал о небольшом жаловании мальчикам, учившимся при заводе барабанному бою[38].

[32] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.490. Л.857, 861.
[33] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.583. Л.6.
[34] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.610. Л.515; Д.616, Л.365.
[35] Кузьмин 1987: 243-244.
[36] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.188. Л.397-398.
[37] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.588. Л.404 – 405.
[38] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.588. Л.850.

Весной 1736 г. Кутузов вновь приобщился к проблеме добычи серебра. Но в этот раз уже он выступал в роли консультанта – помогал снарядить штейгеров уральской горной администрации в экспедицию «к городу Архангельску» на Медвежий остров, что в Белом море[39].

В это же время набеги башкир становятся интенсивнее: их видели уже и в окрестностях завода. Кутузов отправил в Екатеринбург донесение о том, что крестьяне боятся заготавливать дрова: «башкиры шалят», угля на зиму для работы медеплавильных печей не хватит[40]. Начальство приказало «иметь всегдашний объезд драгунами и мастеровыми людьми» близлежащих территорий. Из Екатеринбурга прислали несколько солдат с капралом, но для обороны их было мало, и вскоре управитель получил распоряжение вооружаться самостоятельно, обучать подчиненных стрельбе, собирать «охотников в поход на башкирцев». «Охотников» набралось немного, но во главе с надзирателем лесов М. Карцевым впервые сходили на ближнее расстояние, на учения, а в крепости проверили охрану и обороноспособность – «палили из пушек»[41]. Когда башкиры подошли к заводу, отбивались яростно, в бою пострадали несколько человек, в т.ч. маркшейдер Кутузов, которого проткнули копьем[42].

До 10 июля 1737 г. Кутузов, несмотря на ранение, руководил заводом, занимался составлением новых чертежей[43]. Чувствовал себя плохо: «Я при оных делах за долговременным бытием чрез тринадцатилетное время и дальних посылках, к тому же от неприятелей воров башкирцов принятою смертельной раной, стал быть весьма не здоров»[44].

Строитель. Уфимская провинция. Иковский завод. 1738–1739 гг.

Трагические эпизоды в биографии Кутузова связаны с деятельностью Оренбургской экспедиции. Созданная по проекту И.К. Кириллова в 1734 г., Оренбургская экспедиция решала политические и экономические задачи относительно Средней Азии, Бадахшана и Приаралья. Идее создания Новой России Кириллов чаял подчинить и природные богатства Урала: освоить новые территории, строить города и заводы. Но первые же мероприятия (в частности, начало строительства Орска) вызвали недовольство башкир, спровоцировав восстание 1735–1740 гг.

Строительство первого завода на территории Уфимской провинции Оренбургская экспедиция начала в апреле 1735 г., но оно было плохо подготовлено, русского населения здесь практически не было, большая часть местных жителей относилась к деятельности новых властей крайне отрицательно. Первая попытка закончилась неудачей[45]. Назна-

[39] Там же. Л. 781, 876 об.
[40] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.639. Л.47,56-57.
[41] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.610. Л.313, 510-512.
[42] Корепанов 2000: 64.
[43] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.901. Л.504.
[44] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.691. Л. 324.
[45] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.920. Л.150-152.

ченный в июне 1737 г. руководителем Оренбургской экспедиции после смерти Кириллова В.Н. Татищев снова решил начать строительство завода. Нужен был толковый и опытный руководитель. Выбор Татищева пал на Кутузова. Напрасно Михаил Силыч указывал горной администрации на подорванное недавно здоровье: вопрос о его руководстве строительством Иковских заводов считался окончательно решенным[46]. 28 января 1738 г. Кутузов с командой прибыл в Нагайбакскую крепость и начал осматриваться[47]. В распоряжении, данном Татищевым, жестко, но не вполне определено было написано: завод на речке Байряш строить немедленно! А где брать строителей? Русских деревень в окрестностях не было – места, в принципе, пустынные. Кутузов пишет в Екатеринбург: «какими людьми оной завод строить, того не показано»[48]. В инструкции, которую он вскоре получил от уральской горной администрации, также нет конкретики: «…иметь старание о вольных работниках».

Месяц ушел на подготовительные работы: осмотрели два рудника, находящихся в 60 верстах от Нагайбакской крепости «в степи и в пустом месте», составили чертежи для строительства завода. Убедились, что в округе нет в достатке необходимых инструментов: топоров, буров, молотов, кирок и пр. Всё это можно было закупить либо в Казани, либо везти с уральских заводов. В близлежащем же Мензелинске невозможно было приобрести даже свеч, бумаги и клея, не говоря уже о съестных припасах. Не было и леса для строительства плотины.

Обстановка в этих местах была, фактически, военная. Соседи – киргиз-кайсаки, каракалпаки, местное население – татары, чуваши, башкиры – также не составляли единого целого – некоторые согласились переменить веру и «новокрещенные» были определены в казачью службу. Но надежды на их помощь была слабой. Татар к заводскому строению и в работы «употребить не можно», вольных же не сыскать и «днем с огнем». На двух рудниках на постоянной основе работали лишь люди, привезенные с Пермских казенных заводов – всего 31 человек. Часть работников болела, многие «пожелтели», а лекаря и медикаментов в отряде не было. Многие просили священника «для исповеди»[49].

Вся полугодовая командирская жизнь Кутузова на строительстве подробно отражена в отчетных приходно-расходных книгах, входящих и исходящих документах Канцелярии, журналах регистрации. Особо он жаловался на ненадежность охранников – «из Нагайбакских записавшихся из татар в казаки, також и новокрещенных казаков»[50]. С ними, в основном, и происходили постоянные конфликты. Живя в особых,

[46] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.691. Л.333-334.
[47] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.791. Л.290–298.
[48] Там же. Л.476.
[49] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. Д.791. Л.182, 624.
[50] Новая группа служилых людей – казаков, православных по вероисповедании, говоривших на тюркском (татарском) язык

комфортных условиях, отвечая только за организацию охраны, со строителями и работниками завода казаки вели себя вызывающе. Михаил Силыч не выдержал, начал, как и прежде, по уральским обычаям, собственноручно наказывать казачков. В Мензелинск полетели жалобы, и власти встали на сторону новокрещенных[51].

В июле 1738 г. Кутузова вызвали для разбирательства в Мензелинск. В августе канцелярия генерал-майор Соймонова сообщила в Екатеринбург, что Кутузов арестован: он стоящего у себя на карауле казака «в шумтсве» плетьми застегал до смерти[52]. В ноябре Военный суд (кригсрехт) вынес приговор: «За учиненные им, Кутузовым, придерзости… отнять у него обер и унтер офицерские ранги». Было принято решение Кутузова определить «за штейгера» с ежемесячным жалованием всего в два рубля[53].

Так решилась его судьба – защитить его горная власть не могла, да и не хотела. В то время В.Н. Татищев приложил немало усилий, чтобы усмирить местное население мирным, гуманным путем, путем уступок и преференций. И самоуправство Кутузова было абсолютно не приемлемо с позиции новой национальной политики. На место Кутузова с декабря 1738 г. был назначен его товарищ по Академии Алексей Васильевич Лавров. А Кутузова в том же месяце отправили работать на Кармалинский рудник[54]. Об условиях его жизни там свидетельствует коллективная челобитная работников рудника, составленная рукою Михаила Силыча в марте 1739 г. В ней значилось, что присланные к работам в ноябре 1738 г. горные и заводские служители рудника были вынуждены на скорую руку, поскольку стремительно наступала зима, построить себе «своим коштом» землянки для проживания и сохранения «провианту и харчевых припасов», в которых «во время зимнее и стужи хотя и с нуждою, но обитали». Но как только наступила весна, землянки стали разваливаться, потолок протекать, стены и полы осклизли. Вследствие постоянной сырости стало душно, припасы, платье и обувь начали подгнивать. Люди от постоянной работы в сырой одежде простужались и болели. Далее челобитная сообщала, что в том же руднике имеются «деревянные квартиры», сухие и теплые. В них живут казаки из новокрещенных татар, но «для обсушки» никого не пускают. На казаков напрямую не жаловались, но просили горные власти в лице Алексея Лаврова создать условия для просушки одежды[55].

К лету 1739 г. верховной власти стало ясно – успехов от строительства заводов в крае ожидать не следует. Приказали строительство сворачивать, все хозяйство передать в частные руки, людей возвратить на

[51] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.791. Л.97.
[52] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.742. Л.815-818, 834.
[53] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.791. Л.1 об – 2.
[54] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.791. Л.159 об.
[55] Там же. Л.165.

Урал. Распоряжение об этом Лавров получил в октябре 1739 г. Кутузова же, в конце года направляют на Полевской завод, на рудники, в помощники к берг-мейстеру Иоганну Крумбигелю[56].

Ветеран. Екатеринбург. 1740–1741 гг.

14 февраля 1740 г. был издан манифест «Об оказании высочайшей милости для окончания турецкой войны». В четвертом пункте документа «всех тех, которые во время прошедшей войны за не исправление должностей своих военным судом осуждены и чинов лишены», всемилостивейше прощали с возвращением прежних чинов «и оставлением их от военной службы»[57]. Михаил Силыч попал под «милости», его быстро вернули в Екатеринбург, начали собирать необходимые для реабилитации документы. А пока он оставался «бывшим маркшейдером» и получил новое задание: описать сенокосные места вокруг Екатеринбургского, Уктусского и Верх-Исетского заводов, разделить их на участки, «и положить на чертежи»[58]. Это была сложная работа. Дело в том, что уже с 1726 г. Сибирский обер-бергамт озаботился распределением покосов: всё население заводов – от высших офицеров до мастеровых – обзаводилось лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом. Упорядочение системы сенокосных наделов стало жизненно необходимым.

Кутузов вновь проявил себя блестящим практиком: потребовал ранние чертежи, старожилов, которые знают местность – «без них сыскать и положить на чертеж участок невозможно»; размерщиков; опытных помощников-учеников, а не тех, «кто к тому делу не способны, геометрии и тригонометрии аккуратно не знают, да на практике геодезического дела не бывали – от них мне помощи не уповаемо»[59].

В октябре 1740 г. в Екатеринбурге получили от Берг-директориума подтверждение о прощении М. Кутузову вины и указ быть при Канцелярии в должности шихтмейстера[60]. Всю зиму и весну трудился Кутузов над обработкой материала полевого сезона. В мае 1741 г. он представил в Канцелярию отчет: «места я описал и на чертеж положил и с которого описания сочинение черной и белой чертежи, тако ж описание сенокосных мест при сем покорнейше объявляю»[61]. Лето также прошло в трудах по выделению покосов, теперь, преимущественно для тех, кто держал крупный рогатый скот[62].

На этом трудоемком участке работы прошел финальный отрезок жизненного пути Михаила Силыча Кутузова. За заслуги в проведении предыдущей работы его представили к очередной должности – берг-

[56] ГАСО.Ф.24. Оп.1. Д.877. Л.224 об.
[57] ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д..854. Л.1.
[58] ГАСО. Ф.24. Л.854. Л.1.
[59] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.850. Л.803.
[60] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.849. Л.347.
[61] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.865. Л.57 об.
[62] Там же. Л.99.

гешворена с повышением жалования. Но здоровье было подорвано. Психические нагрузки также, наверняка, дали о себе знать. В итоге он не успел завершить дело – умер Михаил Силыч поздней осенью 1741 г.

В ноябре 1741 г. уральская горная администрация определила: похоронить Кутузова за счет заслуженного им «по день смерти жалованья»[63]. Ушел из жизни, но оставил после себя дела славные и не очень, достойных учеников, в числе которых были картографы И. Бортников и А. Кичигин, обширный корпус качественных чертежей, планов и карт. Оставшееся от М.С. Кутузова небольшое имущество продали с публичного торга. Из вырученных денег оплатили его долги, а оставшиеся 81 рубль и 21 копейку необходимо было передать родственникам. Жены и детей, равно как и имущества, Михайло Силыч не нажил[64]. Со временем нашлись два сводных брата, служивших в Нарве, подпоручик Матвей Кутузов и сержант Иван Кутузов, им и передали деньги в 1752 г.[65]

Деяния Кутузова как рядового служителя фронтира – хорошая возможность для историка взглянуть на механизмы имперского процесса изнутри, равно как и понаблюдать за имперской идеологией в действии. Михаил Силыч не был приближен к власти и не находился в центре принятия решений, но он активно участвовал в строительстве Российской империи «со всеусердным радением, сколько возможно»[66]. Как отмечает Валери Кивельсон: «Империи строятся и на границах, а не только из центра»[67]. Казалось бы, Михаил Кутузов – герой второго плана в контексте укрепления рубежей империи на Урале, но перед нами классический пример «деяний» «птенцов гнезда Петрова», сложивших свои головы «во славу отечества», а уж когда речь заходит об истории уральской картографии – «в веках не меркнет имя его».

Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.271. Берг-коллегия.
Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.24. Уральское горное управление.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алексеев Е.П. Принадлежность к миру огневой работы: художники на уральских заводах XVIII – начала XXI в. // Вестник Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. С. 192-206 [Alekseyev Ye.P. Prinadlezhnost' k miru ognevoy raboty: khudozhniki na ural'skikh zavodov XVIII – nachala XXI v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2017. № 27. S. 192-206.]

Антропов Д.Н. Образ горнозаводского Урала XVIII в. в иллюстрациях «Описания Уральских и Сибирских заводов» В.И. де Геннина // Известия УрФУ. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 86-97 [Antropov D.N. Obraz gornozavodskogo Urala XVIII v. v illyustratsiikh «Opisaniya Ural'skikh i Sibirskikh zavodov» V.I. de Gennina // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnyye nauki. 2013. № 4 (120). S. 86-97]

Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории: Ч. 1. СПб.: Тип. Демакова, 1875. 652 с. [Veselago F. F. Ocherk russkoy morskoy istorii: CH. 1. SPb .: Tip. Demakova, 1875. 652 s.]

[63] ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.298. Л.153.
[64] РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д.696. Л.361.
[65] Там же. Л.382 об.
[66] ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.424. Л.719 об.
[67] Кивельсон 2012: 187.

Голденберг Л.А., Постников А.В. Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М.:Недра, 1990. 160 с. [Gol'denberg L.A., Postnikov A.V. Petrovskiye geodezisty i pervyy pechatnyy plan Moskvy. M.: Nedra, 1990. 160 s.]

Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701–1925 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 447 с. [Zuyev G.I. Istoricheskaya khronika Morskogo korpusa. 1701–1925 gg. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2005. 447 s.]

Каменский В.А. Художники крепостного Урала. Свердловск: Свердл. кн. из-во, 1957. 82 с. [Kamenskiy V.A. Khudozhniki krepostnogo Urala. Sverdlovsk: Sverdl. kn. iz-vo, 1957. 82 s.]

Карелин В.Г. К истории рукописи «Описание уральских и сибирских заводов. 1734» // Четвертые Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции (Екатеринбург, 14–15 февраля 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С 40–47. [Karelin V.G. K istorii rukopisi «Opisaniye ural'skikh i sibirskikh zavodov. 1734 »// Chetvertyye Chupinskiye krayevedcheskiye chteniya: materialy konferentsii (Yekaterinburg, 14–15 fevralya 2008 g.). Yekaterinburg, 2008. S.40–47].

Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с. [Kivel'son V. Kartografiya tsarstva: Zemlya i yeye znacheniye v Rossii XVII veka. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012. 360 s.]

Корепанов Н.С. Никифор Клеопин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 212 с. [Korepanov N.S. Nikifor Kleopin. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 2000. 212 s.]

Корепанов Н.С. Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 280 с. [Korepanov N.S. Gennin na Urale. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 2006. 280 s.]

Кузьмин А.Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с. [Kuz'min A.G. Tatishchev. M.: Molodaya gvardiya, 1987. 368 s.]

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с. [Lotman YU.M. Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo KHIX veka). SPb.: Iskusstvo-SPB, 1994. 399 s.]

Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы. СПб.: Алетейя, 2010. 400 с. [Repina L.P. Ot istoricheskoy biografii k biograficheskoy istorii // V teni velikikh: obrazy i sud'by. SPb.: Aleteyya, 2010. 400 s.

Рябов Б.Г. Уникальные «махины» горнозаводского Урала и Сибири. (XVIII – середина XIX в.). Екатеринбург: Демидов. ин-т, 2016. 416 с. [Ryabov B.G. Unikal'nyye «makhiny» gornozavodskogo Urala i Sibiri. (XVIII – seredina XIX v.). Yekaterinburg, 2016. 416 s.]

Сафронова А.М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. 2000, 144 с. [Safronova A.M. Pervyye shkoly Yekaterinburga (1724–1734): K 275-letiyu osnovaniya. Yekaterinburg. 2000, 144 s.]

***Цеменкова Светлана Ивановна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, департамент «Исторический факультет», Уральский федеральный университет; s.i.tcemenkova@urfu.ru*

The first cartographers of the Urals mines: Mikhail Silych Kutuzov

The article is devoted to the reconstruction of particular episodes of the life and work of M.S. Kutuzov (1704–1741), a famous Ural cartographer of the "era of de Gennin and Tatishchev". The study of his documentary heritage, including visual (maps, drawings, plans), reports, as well as information extracted from office documentation, allow us to trace the fate of not just a supporting hero, a servant of the frontier, but also quite a typical representative of the service nobility, who formed their career lines in the era of Peter I.

***Keywords**:* history of cartography, history of the mining industry of the Urals, history of the Russian nobility, Mikhail Silych Kutuzov

***Svetlana Tsemenkova**, PhD (History), researcher, Laboratory of Editional Archeography, Department of History, Ural Federal University (Yekaterinburg); s.i.tcemenkova@urfu.ru*